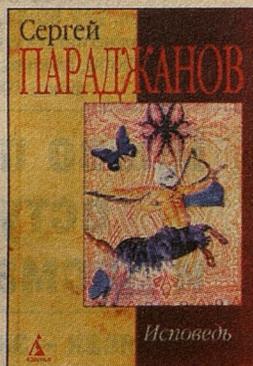

Новые известия 2001 - 17 окт. с. 6

Почему осыпаются розы?

Сергей Параджанов, «Исповедь». СПб., Азбука, 2001

Абсолютно непредсказуемый, ни на кого не похожий, он стал известен миру как кинорежиссер. Между тем его наброски и микросценарии ничуть не менее значимы. Жан Люк Годар однажды сказал: «В храме кино есть изображение, свет и реальность. Сергей Параджанов был мастером и хозяином этого храма». Несколько неожиданное определение – хозяин храма. Если бы он жил в Испании или в Италии, скорее всего, после него, как после Гауди, остались бы причудливые замки, храмы и даже целые города. В нем есть что-то испанское, сальвадордалическое. Одного умершего родственника он похоронил в облике испанского гранда. Свою покровительницу Лилию Брик, вызволившую его из тюрьмы, он одел на похоронах в роскошный гуцульский наряд, а комнату утопил в цветах.

Свои города он возводил из осколков битой посуды и обломков дешевой бижутерии. Эти однодневные творения потом им же разрушались и переделывались во что-то другое. Он так украсил камеру, в которой сидел, что в задвленных зеках и отморозенных тюремщиках проснулось давно забытое чувство красоты.

У Параджанова есть сценарий под названием «Танк». Посреди войны стоит танк. В нем дерутся, пируют, колотятся, занимаются любовью. Под панцирем брони кипит жизнь. Военное начальство безуспешно борется с неуставным танком, приказывает запаять его намертво, приварив башню к корпусу. Но все напрасно. В танке и вокруг него продолжается жизнь, усыпанная цветами. Все. Фильм можно уже не снимать. Он состоялся буквально в нескольких строках.

Перебиваясь с хлеба на квас, Параджанов взахлеб рассказывал моему знакомому, какой роскошный бриллиант подарил ему на приеме римский папа: «Теперь мне плевать на всех, я миллионер». И КГБ на полном серьезе охотится за мистическим бриллиантом и даже пытается подшить этот эпизод к пухлому досье режиссера.

Есть личности, которые не уместаются ни в сценарии, ни в фильмах, ни в причудливых декоративных творениях. Такое ощущение, что в них таится кто-то, кто больше их самих. Жизнь Параджанова не уместается в его жизнь. Мемуары, рассказы, воспоминания, неопубликованные фрагменты каждый раз открывают нового Параджанова. Гениальный мистификатор, пересмешник собственной жизни, шут и мученик в одном лице.

Вот его записочка из тюрьмы. Нарисовано сердце, похожее на листок из колючей проволоки. В центре отпечаток пальца. Сбоку надпись: «Всем поклонны! А что если есть БОГ».

Его переполняла какая-то избыточная красота. Не та, которая спасет мир, а та, которая весь мир погубит. Он лучше других понимал коварный Восток, где в ажурных золотых дворцах, на фоне завораживающих узоров с людей живьем сдирали кожу. Параджанов – человек без кожи. Она с него содрана еще при рождении. Все, что проделывали с ним толстокожие люди, уже не ранило. Ранила сама жизнь. «На фоне белых гор – женщина в черном. Почему плачет женщина?.. Почему? Женщина в черном срывает траур и неистовствует в танце». Вот его муза.

Он любил задавать вопросы, на которые нет ответа: «Почему осыпаются белые розы?».

Действительно, почему?

Константин КЕДРОВ, «Новые Известия».